



ЭТО МЫ, ГОСПОДИ

**Анатолий ПРИСТАВКИН**

# Не зовет своих мертвых Россия...

*Общая газ. - 2000 - 10 февр. - с 9.*

СИНЕЛО небо, грело по-весеннему солнце, и было пустынно на аллеях знаменитого кладбища Сен-Женевьев-де-Буа, посыпанных щебенкой. А чуть в сторону, там и тут, вповалку, лежали огромные деревья, задравшие корнями при падении старые могильные плиты. Откуда-то из-за мраморных и деревянных крестов возникла женщина, говорящая с акцентом по-русски. Она вызвалась сопроводить нашу маленькую группу по кладбищу.

Она сразу заговорила о трудностях старой эмиграции, отсутствии денег для ухода за могилами. Многие из тысяч русских изгнанников обрели свой последний приют в этой земле, но родственники вымерли, могилы заброшены, а молодежь от всего этого далека. Говорила она излишне запальчиво, и я незаметно отстал от моих спутников. И почти сразу наткнулся на могилу Виктора Платоновича Некрасова. Помню его еще по Ялте, куда приезжал он со своей мамой, маленькой, тихой, смущенной вниманием старушкой, о которой трогательно беспокоился. Это был один из немногих писателей, не терпевших лжи и насилия. Его повесть «В окопах Сталинграда» поразила нас своей жестокой правдой о войне. Когда киевские гебешники устроили у него обыск на квартире, он, в знак протеста, решил покинуть Россию, и в последний день заехал попрощаться в дом к Копелеву, там мы его и проводили.

Тоя Гладилин рассказал, что в свои последние дни в Париже, уже в больнице, Некрасов прочел мою повесть о Кавказе и чеченцах и сказал о ней добрые слова. А что сказал бы Вика, так звали его друзья, о нынешней постыдной войне в Чечне – можно представить. Уж верно не промолчал бы, в отличие от нынешних моих коллег. Впрочем, огорюсь, редкие голоса протеста все-таки раздаются. Александр Володин на вручении премии «Триумф» сказал, цитирую по памяти: «Что мы хотим от этого маленького народа Чечни, чтобы они были такими же рабами, как мы?» Василь Быков тоже сказал, что через несколько лет нам будет стыдно за то, что мы творим в Чечне... Ни одна, кажется, газета не заметила этих выступлений.

Могилу Ивана Алексеевича Бунина я угадал по необычному кресту. Подобные каменные кресты наши новгородские и тверские предки ставили на пограничных землях. И в этом я вижу знак: Бунин являет собой некое пограничье – между ушедшей интеллигенцией Серебряного века и той новой, скажем, советской, пришедшей ей на смену.

«Почему мы непримиримы с большевизмом?» – написал он. – Я совершенно убежден, что наименее, лживее, злей и деспотичнее этой деятельности еще не было в человеческой истории даже в самые подлые и кровавые времена...» Вот вам и вся правда. И не надо никаких выдумок от компании Зюганова. Можно представить пережитое Буниным лично, если он в порыве откровения вос-

кликнет: «И не было дня в моей жизни страшнее этого дня... видит Бог, воистину так!»

Это уже наша доморощенная прислужливая интеллигенция будет лепить с первых лет октября положительный образ советской власти. И одним из первых – обожаемый властями основоположник соцреализма. Много горьких слов посвятит Бунин Горькому. «Влияние его очень велико, волею судеб – он очень известный русский человек, и вспомните, скольких сбил с толку его открытый переход к большевикам, его двухлетний горячий труд плечом к плечу с «Владимиром Ильичем», Петерсом, с Дзержинским, его акафисты советской власти! Недаром после убийства Урицкого, когда по свидетельству петербургской «Красной Газеты» в одну ночь была убита «ровно тысяча» ни в чем не повинных людей, Горький выступил председателем на торжественном собрании «Цика», и недаром повесили большевики плакаты по всему Петербургу: «Примирение русской интеллигенции с советской властью!..»

«Что произошло?» – вопрошает Бунин. И отвечает: – Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека...»

Падение человека – вот, наверное, главное, что он мог сказать о России. Ведь высочайший образец человека, интеллигента являл сам Иван Алексеевич. Ну, а те, кто служит тьме... Вам ничего не напоминает убийство тысячи невинных человек в ответ на так называемый терроризм (убийство Урицкого)? Ведь и мы, и мы на так называемый терроризм (неведомо кем взорванные дома) отвечаем серией убийств, но теперь уже подвергнув уничтожению более чем тысячу... Целый народ! И наши сегодняшние творческие наследники Горького единодушно такое массовое убийство поддержат. А «горячий труд плечом к плечу» с чекистами их еще более вдохновит. Ибо остальные же, «прочие» – предатели.

«Мир отвернулся от страждущей России, – скажет Бунин. – Он только порой уподоблялся тому римскому солдату, который поднес к устам Распятого губку с уксусом... Когда дело идет о России, тотчас вспоминает правило о невмешательстве... и спокойно смотрит на русские «внутренние дела»... погром, длящийся в России...»

А на пути еще одна могила: Мережковский и Зинаида Гиппиус, которая написала в своем дневнике: «Мы недвижимы и безгласны, мы (вместе с народом нашим) вряд ли уже достойны называться людьми, – но мы еще живы, и мы знаем, знаем...»

А вот и Саша Галич, вынужденно уехавший и трагически здесь погибший. «Эй, поднимайтесь, такие-сякие, ведь кровь не вода, если зовет своих мертвых Россия, то значит беда...» И далее, провидческое: «Встали и видим, что вышла ошибка, что мы – ни к чему...»

Нет, не зовет сегодня своих мертвых Россия...